

ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

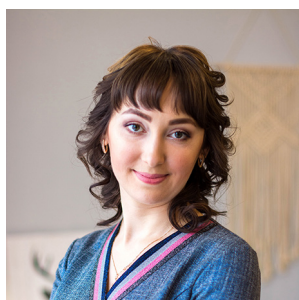
DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.6
EDN: OOFOZG

Молодежные сетевые сообщества Сибири: дискурс-анализ мобилизационных практик в контексте специальной военной операции¹

Ссылка для цитирования: Бурмакина А. Л. Молодежные сетевые сообщества Сибири: дискурс-анализ мобилизационных практик в контексте специальной военной операции // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 3. С. 98–117. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.6; EDN: OOFOZG.

For citation: Burmakina A. L. Online youth communities in Siberia: A discourse analysis of mobilization practices in the context of the special military operation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 98–117. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.6; EDN: OOFOZG.

**Бурмакина
Анна Леонидовна¹**

¹Кемеровский государственный университет,
Кемерово, Россия

anna-sidjakina@rambler.ru

SPIN-код: 7988-9068

Аннотация. В статье обсуждаются результаты дискурс-анализа мобилизационных практик, представленных в региональных сетевых молодежных сообществах Сибири и тематически связанных со специальной военной операцией. Такого рода сообщества рассматриваются как неочевидные, но активные агенты сетевых взаимодействий, включенные в процессы мобилизации (активизации) совместных усилий в целях преобразования общественного пространства регионов.

Эмпирической базой исследования послужили публикации в сетевых молодежных сообществах Сибирского макрорегиона, к которому были отнесены: Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Кемеровская область – Кузбасс, Томская, Иркутская, Новосибирская и Тюменская области, Красноярский и Алтайский края, республики Хакасия, Тыва и Алтай. Массив исследуемых сетевых сообществ включал: официальные аккаунты государственных организаций и представителей органов власти в сфере молодежной политики, профили общественных молодежных организаций и движений, региональные и городские молодежные паблики, объединения творческой, работающей и религиозной молодежи. Мобилизационные практики в этих сообществах изучались на примере постов, тематически связанных со специальной военной операцией.

По итогам проведенного дискурс-анализа текстов публикаций было выделено несколько крупных групп тематик как характерные для всех регионов Сибири (военный, патриотический, гуманитарная помощь и поддержка военных, социальная поддержка

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 25-28-01459.

семей военнослужащих, героизм), так и специфических для конкретных регионов (консолидация общества, региональная идентичность и социальная сплоченность, коллективные действия и участие, культура и искусство, награды). Далее эти блоки в зависимости от их направленности были объединены в две группы: деятельностные и ценностно-ориентированные. Как показало исследование, в структуре и общерегиональных, и специфических тематических блоков преобладают те, которые носят информационно-просветительский характер и имеют патриотическую ориентированность. Те же, что демонстрируют примеры успешных вариантов объединения молодежи ради реализации конкретной помощи нуждающимся, оказались, напротив, в меньшинстве.

В заключении делается вывод о снижении в сетевом пространстве доли контента, транслирующего результаты инициативной деятельности молодых людей, и о трансформации целей использования ими социальных сетей в сторону развития ее собственного социального капитала.

Ключевые слова: социальная мобилизация, политическая мобилизация, Сибирский макрорегион, сетевые сообщества, специальная военная операция, молодежь

Введение

В условиях динамичной трансформации социальных отношений, политической нестабильности и социально-экономической неопределенности возникает потребность в управленческих инновациях в сфере взаимодействия власти и населения при сохранении приоритетного вектора развития. Одновременно формируется устойчивый институциональный запрос на активизацию (мобилизацию) деятельности региональных сообществ с целью разрешения ключевых социальных проблем и противоречий.

Неуклонно нарастающая цифровизация общественных процессов приводит к созданию новых коммуникационных пространств, какими становятся сетевые сообщества и группы. Действуя на онлайн-платформах в режиме открытого общения, они переводят территориальную и региональную коммуникацию участников социально-политического взаимодействия в новые реактивные форматы. Последние характеризуются: 1) быстрым обменом сообщениями как реакция на актуальную повестку, 2) высокой скоростью изменения содержания коммуникации, отражающейся на принятии решений, 3) использованием новых инструментов и пространств для взаимодействия. Исходя из этого мы определяем молодежные сетевые сообщества как группы участников онлайн взаимодействия, обладающие деятельным началом, и причисляем к ним тематические паблики и каналы в социальных сетях и мессенджерах («ВКонтакте», Telegram, др.), которые объединяют молодых людей вокруг актуальных проблем и общих интересов (политических, творческих, общественных и т. д.), а также имеют потенциальную возможность мобилизовывать своих подписчиков на реальные действия офлайн. Такие сообщества относятся к категории «неочевидных» акторов [26]: будучи включенными в процессы мобилизации, они не заявляют напрямую о собственных политических

интересах, но вместе с тем имеют достаточный ресурсный потенциал для реализации тех или иных инициатив, направленных на преобразование социальной структуры повседневной жизни населения.

Как показывают современные исследования, молодые люди принимают самое активное участие в сетевых взаимодействиях. Традиционные формы реализации гражданских и политических инициатив дополняются, а нередко и замещаются, онлайн практиками, что делает актуальным изучение векторов сетевых гражданских инициатив молодого поколения [31, с. 300].

Молодежь чаще других возрастных групп отдает предпочтение цифровой среде как пространству выражения своей позиции. Так, по результатам всероссийского социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», проводившегося ИСПИ ФНИСЦ РАН в 2025 г., среди молодых людей доля готовых использовать интернет для обращения к общественности достигает 28,1% (18–24 лет) и 30,1% (25–30 лет), что значительно превышает долю тех, кто готов к участию в митингах (8,8 и 6,5% соответственно). Это говорит о том, что политическая и гражданская активность молодежи все больше переходит из офлайна в цифровое пространство, где участие реализуется через публичные обращения, петиции и сетевые инициативы [12, с. 40].

Специальная военная операция (СВО) связана с мобилизацией не только в военном плане, но и в социально-политическом, так как предполагает организацию и объединение усилий граждан для решения сопутствующих социальных задач. В этой ситуации социальные сети выступают реактивным инструментом для консолидации совместных действий и обсуждений и в таком качестве оказываются прекрасным исследовательским полем для изучения отношения молодежи к текущей повестке спецоперации.

Общественный интерес к СВО, в том числе в молодежной среде, подтверждается актуальными данными об участии населения в различных формах гражданской активности. Согласно результатам мониторинга «Как живешь, Россия?» 2025 г. одним из популярных направлений реализации гражданских инициатив оказалась «помощь в рамках СВО» (46%). Это был второй по предпочтительности вариант ответа после участия в выборах [15, с. 83]. Как замечают авторы исследования, среди названных форм активности часто встречались такие, которые либо координируются онлайн, либо напрямую реализуются в цифровой среде, что подтверждает актуальность гражданского участия через онлайн практики.

Результаты мониторингового опроса ВЦИОМ (2025 г.) также фиксируют рост участия населения, в том числе молодежи, в активностях, связанных с текущей повесткой (например, помощью участникам СВО). Стоит отметить, что доля молодых россиян, оказавших помощь, увеличивается по мере перехода от самой младшей когорты в данной возрастной группы к самой старшей: 18–24 лет – 27%, 25–34 года – 31%, 35–44 года – 39% [7].

Обозначенные тенденции подчеркивают важность изучения мобилизационных процессов и практик, вызванных к жизни проведением спецоперации и реализуемых в сетевой среде. Соответственно, цель настоящей статьи – на примере молодежных сетевых сообществ Сибири выявить мобилизационные практики, представленные в том сегменте контента, который тематически связан с СВО.

Обзор литературы по проблеме исследования

Интерес исследователей к теме сетевых сообществ за последнее время заметно возрос, что объясняется несколькими причинами: 1) повышением активности пользователей, прежде всего молодых, в социальных сетях, причем не только в сфере потребления контента, но и его производства; 2) ростом значимости виртуальных платформ в функционировании бизнес-структур; 3) развитием потребности в управлении различными социальными группами, сложными нелинейными процессами, происходящими в обществе, и самими социальными сетями [9].

Сегодня сетевые сообщества уже стали неотъемлемой частью повседневной жизни российских регионов. Они используются как один из способов информирования населения относительно значимых местных событий, выполняют роль общедоступных площадок для обсуждения региональных проблем и поиска путей их решения, служат каналом обращения к органам власти, помогают привлечь к дискуссии новых участников, а также являются средством политического воздействия и мобилизации [10; 16; 23; 28].

К настоящему моменту распространение онлайн-коммуникации достигло таких масштабов, что социальные сети обрели дополнительную, консолидирующую, функцию, став, кроме всего прочего, частью мобилизационной структуры. Сетевые сообщества, как правило, создаются пользователями с уже сформировавшимися предпочтениями, в том числе политическими, а сетевое пространство, в свою очередь, способствует еще большему укреплению и мультиплицированию взглядов участников сетевых взаимодействий [11; 19]. Собственно молодежные сообщества характеризуются потенциально высоким уровнем вовлеченности в сетевые процессы и множественностью используемых приемов интеграции, что делает их весьма привлекательным объектом изучения.

В рамках данной статьи мобилизация трактуется вне военно-организационного контекста. Под ней мы будем понимать коллективные действия и целесообразное объединение членов сетевого сообщества, концентрацию их усилий и ресурсов для реализации общих и дифференцированных потребностей и интересов [26; 29].

Изучение мобилизационных процессов, происходящих в обществе, входит в состав предмета социологии уже не одно десятилетие. В рамках отечественной социологии вопросы социально-политической мобилизации исследовались многими ведущими учеными. Так, О. Н. Яницкий, говоря о процессах массовой мобилизации, предлагал различать два ее вида:

конструктивную и вынужденную. Первая связана с целенаправленной организацией социальных действий на основе имеющихся сетей и других ресурсов, вторая же обусловлена внешними стимулами – критической ситуацией, техногенной или экологической катастрофой [35]. Т. И. Заславская и Н. И. Лапин связывают мобилизацию с трансформационными процессами в российском обществе и модернизационными изменениями [6; 20].

Один из подходов к изучению мобилизации предполагает ее рассмотрение в контексте социального неравенства. Несправедливое распределение социальных благ, так же как и их уравнилельное распределение, снижает заинтересованность граждан в общественно-созидательной деятельности. В этой ситуации мобилизация становится средством, помогающим добиться налаживания продуманной социальной политики и способствующим активизации ресурсов и сил различных групп населения [34]. Молодежь, если ее рассматривать с такой позиции, находится в неравном положении с представителями более старших возрастных групп. С одной стороны, она располагает куда меньшим количеством материальных благ и ее ценностные ориентиры еще только формируются, но с другой – присущие ей в силу возраста энергия и готовность объединяться в купе с широкой сетью социальных контактов делают ее весьма привлекательным объектом для мобилизационных воздействий.

Мобилизационные практики мы рассматриваем как разновидность социальных практик, теоретическим осмыслением которых в зарубежной социологии занимались П. Бурдье, Э. Гидденс, П. Бергер [2; 4; 8] и др., а в отечественной – В. Волков и О. Хархордин [6]. На основании высказанных ими идей было сформулировано следующее определение: мобилизационные практики – это конкретные действия, которые социальные акторы воспроизводят в ходе своей повседневной социальной деятельности и которые включают в себя приемы мобилизации, направленные на приложение совместных усилий (инициированных властью или самоорганизованных) ради преобразования социальной реальности.

Большинство известных исследований мобилизационных практик молодежи в сетевом пространстве связаны с проблемой регулирования и предотвращения протестной активности (особенно девиантной и нелегальной) и/или фокусируются на теме сопряженности онлайн и офлайн форматов реализуемых действий [3; 18; 33]. Для нас, однако, интерес представляют более консолидированные формы позитивного взаимодействия молодежи, нацеленные на решение общих проблем и реализацию общих интересов как политических, так и социальных.

Наряду с неоспоримыми преимуществами сетевой коммуникации для формирования активной социальной базы, быстрой мобилизации и самоорганизации граждан, исследователи указывают и на негативные эффекты, заключающиеся в краткосрочности и фрагментарности участия пользователей в сетевых гражданских инициативах, что обусловлено мимолетностью интересов и личными выгодами [30]. Подобное поведение свойственно и молодежи, которая быстро переключается на что-то другое, если ситуация меняется или угасает интерес.

Контекст СВО для изучения мобилизационных практик в молодежных сетевых сообществах был выбран неслучайно. Он напрямую связан не только с военной мобилизацией, но также с социальной и политической, тогда как сама спецоперация провоцирует определенные стратегии реагирования на нее в молодежной среде, различие которых обуславливает и различия в мобилизационных практиках. Примером одной из таких стратегий служит релокация – массовый переезд молодых россиян на жительство за границу вследствие несогласия с действиями властей и угрозы призыва [1]. Другая, противоположная ей, заключается в объединении усилий ради оказания инициативной, координированной и созидательной помощи лицам, так или иначе причастным к СВО. К настоящему моменту в отечественной социологии уже сложилось несколько тематических направлений в изучении молодежи в контексте спецоперации: социальное самочувствие и отношение к сложившейся ситуации [14; 22; 27], патриотическое воспитание и проявления гражданского активизма [21; 25], участие в процессах солидаризации и консолидации российского общества [32]. В то же время работ, посвященных именно практикам реализации молодежных инициатив и особенностям их репрезентации, в том числе в сетевом пространстве, по-прежнему остается крайне мало, что побудило нас восполнить имеющийся пробел.

Эмпирическая база исследования

В статье анализируется корпус постов из 292 молодежных сетевых сообществ 12 субъектов РФ Сибирского макрорегиона. Исследуемые сообщества распределены по субъектам федерации следующим образом: Ямало-Ненецкий автономный округ – 10, Ханты-Мансийский автономный округ – 17, Кемеровская область – Кузбасс – 34, Томская область – 22, Иркутская область – 21, Тюменская область – 18, Красноярский край – 22, Республика Хакасия – 7, Республика Тыва – 14, Новосибирская область – 52, Алтайский край – 40, Республика Алтай – 35. Выборка сплошная. Поиск сообществ осуществлялся вручную в социальной сети «ВКонтакте». В качестве критериев отбора использовались: 1) присутствие в названии слов, содержащих корень «молод»; 2) территориальная привязка к одному из указанных выше административных образований Сибири, отраженная также в названии; 3) наличие в паблике постов, тематически связанных с СВО и содержащих примеры мобилизационных действий.

Среди найденных молодежных сообществ Сибири оказались группы разной направленности: 1) официальные аккаунты государственных организаций и представителей органов власти в сфере молодежной политики (молодежные парламенты, молодежные правительства, молодежные центры, отделы молодежной политики и т. д.); 2) профили молодежных организаций и движений как государственных, так и общественных (региональные группы «Движения первых» и «Юнармии», «Студенческие отряды» и др.); 3) региональные и городские молодежные паблики («Молодежь

Ханты-Мансийского района», «Молодежь Тюменский район» и т. п.), 4) аккаунты молодежных проектов и платформ развития (ТИМ «ЮНИОР», Лаборатория ПРО | молодежный проектный офис (Новосибирск) и др.); 5) инициативные объединения творческой, религиозной, работающей молодежи («Работающая молодежь НСО», «Христианская молодежь Минусинска», «Молодежь КрасЖД (СМ)», «Православное молодежное движение Томской епархии» и т. д.).

Большую часть найденных пабликов составили аккаунты государственных организаций и учреждений, транслирующие институционализированную повестку органов власти, – 190 шт. Общественные организации и объединения молодежи, ориентированные на реализацию инициативных проектов, оказались представлены вдвое меньшим числом сетевых сообществ – всего 102. Подобная диспропорция объясняется резким ростом сетевой активности органов власти и государственных организаций после принятия 1 декабря 2022 г. закона о госпабликах, обязывающего официальные структуры создавать и развивать открытые страницы в соцсетях, через которые они информировали бы население о своей деятельности¹. Соответственно, это привело и к увеличению числа провластных сетевых молодежных сообществ [5].

Для отбора внутри найденных пабликов постов, тематически связанных с СВО, был задействован сервис Feedspsy². Это инструмент мониторинга социальных сетей, позволяющий проводить качественную оценку публикуемого в сообществах контента. Поиск велся среди постов, появившихся в период с 01.01.2025 г. по 01.01.2026 г. Выбор данного временного промежутка обусловлен, с одной стороны, темпоральностью выгрузки сетевых данных в рамках исследовательских этапов, а с другой – потребностью получить самую актуальную на момент проведения анализа информацию. Исследование, легшее в основу настоящей статьи, является продолжением наших более ранних проектов, в рамках которых изучалась ситуация в молодежных сетевых сообществах с момента начала СВО. Для семантического анализа текста постов и выделения тематических блоков использовался сервис Advego³.

Результаты исследования

Всего с помощью сервиса Feedspsy было отобрано 854 публикации (табл. 1). Процесс отбора представлял собой поэтапный поиск в каждом сообществе постов, содержащих ключевые слова «СВО» и «специальная

¹ Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и ст. 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации».

² Сервис для мониторинга и анализа активности в социальных медиа Feedspsy. URL: <https://feedspsy.net/> (дата обращения: 15.03.2026).

³ Семантический анализ текста Advego для SEO онлайн. URL: <https://advego.com/text/seo/> (дата обращения: 21.03.2026).

военная операция». Для повышения качества анализируемого массива был проведен дополнительный контроль отобранных постов вручную на предмет их соответствия цели исследования: наличия в текстах примеров мобилизационных действий.

Таблица 1 (Table 1)

Статистика постов, посвященных тематике СВО и размещенных в сетевых молодежных сообществах Сибири в социальной сети «ВКонтакте»
Statistics on posts dedicated to the Special Military Operation and published in Siberian online youth communities on VK social network

Наименование региона	Количество постов об СВО	Общее количество постов за период	Доля постов об СВО от общего числа публикаций, %
Ямало-Ненецкий автономный округ	30	3088	0,97
Ханты-Мансийский автономный округ	41	3889	1,05
Тюменская область	14	4579	0,31
Кемеровская область – Кузбасс	50	7554	0,66
Иркутская область	18	5434	0,33
Томская область	119	3267	3,64
Красноярский край	106	5808	1,83
Республика Хакасия	38	2790	1,36
Республика Тыва	133	6300	2,1
Новосибирская область	225	15 492	1,45
Алтайский край	75	4631	1,61
Республика Алтай	5	1632	0,31
Итого	854	64 464	1,32

Поскольку количество постов, тематически связанных с СВО, как и общее количество постов за анализируемый период, а также их соотношение в каждой паблике разное, целесообразнее проводить сравнение не в абсолютных числах, а в долях. По доли постов об СВО в общей массе публикаций лидируют сообщества Томской области, Республики Тыва и Красноярского края – 3,64, 2,1 и 1,83% соответственно. Отчасти это может объясняться тем, что, как было установлено нами ранее в ходе прошлых исследований, сетевые молодежные сообщества в данных регионах включают ряд крупных аккаунтов с большим числом подписчиков и высокими показателями сетевой активности. Например, в сообществах Тувы можно встретить довольно много постов с информацией о мерах поддержки мобилизованных и назначенных им выплатах, разъяснениями относительно порядка и последствий частичной мобилизации, историями героев и участников спецоперации из республики, сведениями о проводимых мероприятиях с участием ветеранов СВО. В свою очередь Томская область и Красноярский край являются крупными центрами высшего образования, что обуславливает высокую концентрацию в них студенческих

организаций и объясняет их потенциальную привлекательность в плане реализации разного рода молодежных мероприятий и инициатив, в том числе связанных с СВО.

После отбора постов было сформировано 12 датасетов с текстами сетевых публикаций для каждого региона, а затем проведен количественный анализ полученных наборов качественных данных с помощью программы Advego. Возможности этой программы позволяют вычленять тематически значимые (ключевые) слова и составлять их рейтинг исходя из частоты упоминания, что неявно указывает степень их важности для пользователей сети.

Статистика по текстам, полученная в ходе их семантического анализа, частично представлена в таблице 2, где приводятся значения двух основных показателей по каждому региону: общее количество слов во всех публикациях за исследуемый период и количество тематически значимых слов. Последние составляют семантическое ядро текста и позволяют определить направленность мобилизационных действий, реализуемых через региональные сетевые сообщества. Количество тематически значимых слов в блоках текстов в большинстве регионов варьируется от двух до четырех тысяч, что обеспечивает широкий простор для дальнейшего анализа.

Таблица 2 (Table 2)

**Основные показатели статистики текстов публикаций
в молодежных сетевых сообществах Сибири в социальной сети «ВКонтакте»**
*Key statistical indicators for post content
in Siberian online youth communities on VK social network*

Наименование региона	Количество постов	Количество слов в публикациях	Количество тематически значимых слов
Ямало-Ненецкий автономный округ	30	3304	1017
Ханты-Мансийский автономный округ	41	5247	1900
Тюменская область	14	1706	533
Кемеровская область – Кузбасс	50	7194	2577
Иркутская область	18	2324	710
Томская область	119	12 255	3767
Красноярский край	106	8099	2591
Республика Хакасия	38	4256	1386
Республика Тыва	133	13 160	3845
Новосибирская область	225	12 545	4434
Алтайский край	75	8161	2663
Республика Алтай	5	437	120

Наиболее объемные посты, тематически связанные с СВО, публикуются, как можно видеть, в сообществах Тувы и Томской области: при общем количестве сообщений 133 и 119 суммарное количество слов в них достигает 13 160 и 12 255 соответственно. В отличие от них, содержание

постов в сообществах Новосибирской области более сжатое: при сопоставимом суммарном количестве слов публикаций здесь почти вдвое больше, чем в тувинских и томских пабликах.

В связи с достаточно большим массивом полученных ключевых слов, а также в целях экономии временных ресурсов, для тематической группировки текстовых данных использовалась русскоязычная диалоговая AI-модель ГигаЧат. Оговоримся сразу, ГигаЧат привлекался нами исключительно для механической обработки данных, объединения значимых слов в общие тематические группы и подсчета частоты их упоминания. Последующая же проверка выделенного набора тематик осуществлялась уже вручную. Обращению к нейросетевой модели предшествовало написание промпта (инструкции-запроса), включающего все необходимые элементы для получения адекватного результата: описание роли искусственного интеллекта, контекст исследовательской задачи, сама задача с четким указанием поэтапных действий, ограничения (чтобы избежать некорректных результатов), формат вывода итогового результата. В итоге получился текст следующего содержания: *«Вы – опытный исследователь, социолог. В файле представлен список слов и их частота упоминания в исследуемом массиве текстовых данных из постов социальной сети, связанных со специальной военной операцией. Проведи группировку слов из документа по основным тематикам. Анализируй только предоставленный текст. Используй только научный стиль. Ответ оформи в виде таблицы: 1. Тематика. 2. Слова, относящиеся к тематике. 3. Суммарная частота упоминания данной тематики (в %), рассчитанная по сумме частот входящих в нее слов и словосочетаний»*.

Результаты тематической группировки показали наличие как общих тематик (табл. 3), так и специфических для отдельных регионов.

В общей сложности было выделено пять наиболее крупных и часто встречающихся групп тематик, характерных для всех регионов Сибири. Первую мы условно назвали «Военная тематика в целом». Ключевыми для нее являются слова: «боец», «военный», «операция», «специальная военная операция», «фронт», «отряд», «участник», «зона специальной военной операции». Доминирование данной тематики в общем массиве сообщений вполне ожидаемо, поскольку она непосредственно связана с общей тематической направленностью анализируемых текстов. Чаще всего посты этой тематики встречаются в публикациях молодежных сообществ Алтайского края – 25,5%.

Тематика «Поддержка и помощь военным» маркируется такими словами, как: «помощь», «гуманитарный», «гуманитарная помощь», «поддержка», «волонтер», «волонтеры», «сбор гуманитарной помощи», «пожертвование», – и представлена публикациями о проводимых с участием молодежи мероприятиях по оказанию помощи участникам СВО (сборах гуманитарной помощи, изготовлении необходимых предметов бытового и военного назначения и т. п.). Чаще всего подобные посты появлялись в молодежных сообществах Алтайского края (12,3%) и Томской области (12,4%), что, возможно, объясняется высокой концентрацией объ-

единений студенческой молодежи в данных регионах, и, соответственно, бóльшим числом проводимых вузами мероприятий по сбору гуманитарной помощи для нужд СВО.

Таблица 3 (Table 3)

**Группировка общих тематик в публикациях сетевых молодежных сообществ
и частота их упоминаний (в %)**
*Grouping of common topics in posts within online youth communities
and their frequency of mention (in %)*

Наименование региона	Группы тематик				
	Военная тематика в целом	Поддержка и помощь военным	Патриотизм и воспитание молодежи	Поддержка семей	Героизм
Ямало-Ненецкий автономный округ	12,4	9,6	10,8	-	-
Ханты-Мансийский автономный округ	15,6	8,7	6,3	-	12,4
Тюменская область	5,4	6,2	2,7	2,9	-
Кемеровская область – Кузбасс	12,4	8,6	5,2	3,1	9,8
Иркутская область	4,65	3,21	2,34	1,17	-
Томская область	7,4	12,4	10,8	-	-
Красноярский край	1,67	1,95	0,76	0,68	0,76
Республика Хакасия	2,86	1,68	-	1,68	1,55
Республика Тыва	7,9	8,7	5,8	6,4	10,2
Новосибирская область	7,5	10,8	-	4,3	12,4
Алтайский край	25,5	12,3	10,0	7,0	-
Республика Алтай	8,4	9,8	-	-	-

В отличие от двух предыдущих, тематика «Поддержка семей» представлена в сообществах лишь восьми из двенадцати регионов. Ее семантическое ядро составили слова «семья», «мать», «отец», «дети», «поддержка семьи», «забота», «семейный», «помощь семье участника спецоперации», «помощь семье военнослужащего, находящегося на СВО», «семьи участников спецоперации», которые встречались прежде всего в публикациях о помощи, оказываемой молодежью семьям участников СВО. Чаще всего молодые люди объединялись для решения бытовых проблем матерей участников и героев СВО: помогали с уборкой снега, заготовкой дров и т. д. Наиболее высока доля таких постов в молодежных сообществах Алтайского края (7%) и Республики Тыва (6,4%), что обусловлено преобладанием в них сельского типа расселения и распространенностью связанных с ним специфических форм организации быта, опирающихся на физический труд.

Семантическое ядро тематики «Патриотизм и воспитание молодежи» составляют слова «патриотический», «патриотизм», «воспитание», «сила духа», «Отечество», «защитники родины», «молодежь», «молодеж-

ный», «воспитание», «память», «подвиг», «мужество», «отвага», «самоотверженность», «вечная память», которые чаще всего можно встретить в публикациях, рассказывающих о мероприятиях с участием ветеранов и бойцов СВО, героических поступках военнослужащих и т. д. Наиболее высока доля таких постов в сообществах Ямало-Ненецкого автономного округа (10,8%), Томской области (10,8%) и Алтайского края (10%).

Содержательно близка к предыдущей тематика «Героизм», ключевыми словами для которой являются: «герой», «героизм», «мужество», «защитник», «защитник отечества», «настоящие герои», «погибшие герои». Публикации, этой тематики, как правило, содержат личные истории героев и ветеранов СВО, зачастую рассказанные их родственниками, и чаще всего встречаются в молодежных сообществах Новосибирской области (12,4%), Ханты-Мансийского автономного округа (12,4%) и Тувы (10,2%).

Высокая представленность тематик «Патриотизм и воспитание молодежи» и «Героизм» в пабликах Новосибирской области и Алтайского края вполне может объясняться вхождением этих субъектов РФ в топ регионов по количеству Героев России, отличившихся в ходе СВО¹. Наличие героев-земляков усиливает патриотические настроения среди молодого поколения и дает дополнительный мобилизационный эффект. Реальные истории успеха и жертвенности рожают живой эмоциональный отклик у молодых людей и заставляют их перейти от пассивных форм патриотизма («я люблю свою Родину») к активным – совершению общественно-полезных действий, оказанию посильной помощи в сложившихся условиях, в том числе и за пределами военного контекста.

Отражением региональных особенностей мобилизационного дискурса в молодежных сетевых сообществах Сибири являются уникальные тематики, характерные только для одного конкретного региона. Так, специфической для Кемеровской области оказалась тема, связанная с консолидацией общества (6,5%) и обозначенная словами: «общество», «поддержка», «общественное движение», «народ», «консолидация», «россияне», «страна». Как правило, посты этой тематики содержат информацию о готовящихся либо уже проведенных мероприятиях, направленных на организацию помощи фронту и лицам, причастным к СВО. Стоит отметить, что тема общественной консолидации имеет определенную историю в сетевом и офлайн-пространстве области. Ранее жители Кузбасса демонстрировали примеры высокой консолидации при решении значимых для региона проблем. Достаточно вспомнить шахтерские забастовки 1990-х гг., митинг после трагедии в ТЦ «Зимняя вишня» в марте 2018 г., организованная реакция на проекты по реконструкции объектов социальной инфраструктуры 2021-го и 2024 г.

В этнических регионах специфическими являются группы тем, связанные с региональной идентичностью и социальной сплоченностью. В сообществах Республики Алтай эти темы маркируются словами:

¹ Соколов А. Из каких регионов оказалось больше всего Героев России // Ведомости. 2026. 21 января. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/01/21/1170636-iz-kakih-regionov-okazalos-bolshe> (дата обращения: 09.08.2026).

«вместе», «народный», «много», «помогать», «поддержка», «участие», «акция», «мероприятие» (9,8%). В публикациях молодежных сообществ Хакасии акцент в первую очередь делается на ценностях, а ключевыми оказываются слова: «вместе», «сила», «дух», «сила духа», «память», «Родина», «страна» (2,32%). В сообществах Ямало-Ненецкого автономного округа распространение получила тематика коллективного действия и участия, выраженная словами: «участник», «участие», «приняли участие», «акция», «вместе», «все» (7,1%). Все это свидетельствует об устойчивой потребности в солидарности и объединении ради сохранения национальной идентичности, транслируемой сетевыми сообществами упомянутых выше регионов, и, следовательно, о высоком мобилизационном потенциале соответствующих публикаций.

Уникальными для сетевых молодежных сообществ Тувы оказались темы, связанные с культурой и искусством (3,9%) и с наградами (3,2%). Нередко публикуемые тувинскими пабликами сообщения, тематически связанные с СВО, сопряжены также с информацией о культурных мероприятиях. Ключевыми для данной тематики словами являются: «песня», «стихи», «музыка», «музей СВО», «культура», «творчество», «фестиваль». Семантическое ядро «наградной» тематики составляют слова: «медаль», «орден», «награда», «награждены орденом Мужества», «почетный знак». Преобладание традиционного уклада жизни в регионе обуславливает значимость сохранения культурных традиций, передача которых происходит в том числе и через актуальную повестку.

Никак не отражена в коммуникационном пространстве изученных сетевых сообществ тема новых эмигрантов (релокантов). Причиной этому может быть либо использование молодежью других площадок для обсуждения данной темы, либо ее принципиальная табуированность для молодых людей, продиктованная нежеланием затрагивать острые политические вопросы или же оставлять цифровые следы, за которые есть риск подвергнуться правовым санкциям и общественному осуждению.

Еще одной особенностью дискурса обследованных сетевых молодежных сообществ является отклик аудитории на представленные в постах мобилизационные практики. В сетевом пространстве показателем актуальности той или иной темы служит количество лайков, комментариев и репостов. Для изученных нами пабликов характерна очень низкая включенность пользователей в процесс комментирования постов. Даже если комментарии присутствуют, чаще всего они имеют графический формат – смайлики, стикеры, мемы и т. п. Больше всего таких реакций-картинок встречается под постами, где рассказывается об участии молодежи в общественно-полезных акциях: уборке снега на придомовых территориях участников СВО или членов их семей, плетении маскировочных сетей, создании необходимых предметов быта для фронтовиков. Поддержка в таком формате инициатив со стороны молодежной аудитории пабликов при первом рассмотрении может говорить о ее положительном к ним отношении, солидарности с участниками акций и потенциальном желании объединяться ради решения схожих вопросов. Однако, нельзя исключать и возможный

слактивизм («диванный активизм»), как основу оставляемых реакций, не предусматривающий никаких дальнейших реальных действий со стороны молодежи. Для уточнения действительных мотивов пользователей, исключения использования автоматизированных программ (ботов) для имитации активности требуется, на наш взгляд, более глубокий анализ за пределами данной статьи.

Заключение

Тема СВО и сопряженные с ней достаточно широко освещаются в молодежных сообществах Сибирского макрорегиона социальной сети «ВКонтакте». Все многообразие постов, тематически связанных со спецоперацией и содержащих примеры мобилизационных практик, можно условно разделить на две группы: деятельность и ценностно-ориентированные. Первые информируют о реализации тех или иных молодежных гражданских инициатив в рамках текущей повестки: например, по оказанию необходимой помощи военнослужащим, ветеранам, героям СВО, их семьям. Вторые отличаются ярко выраженной патриотической направленностью и имеют своей целью привлечь внимание молодежи к проблемам тех, кто непосредственно задействован в спецоперации. В таких постах рассказывается, например, о значимости поддержки военнослужащих, героических поступках участников СВО, приводятся личные истории фронтового пути и т. п. Публикации этой группы напрямую связаны с общегосударственной установкой на продвижение патриотизма и традиционных духовно-нравственных ценностей, а потому в изобилии встречаются в пабликах органов власти и государственных организаций.

Из пяти выделенных нами общих региональных тематических блоков только два могут быть отнесены к категории деятельностных – «Поддержка и помощь военным» и «Поддержка семей», а остальные три имеют ценностно-ориентированную направленность. Таким образом, большинство публикаций в сетевых молодежных сообществах Сибири носят преимущественно информационно-просветительский характер. Тех же, в которых демонстрируются примеры успешного объединения молодежи ради оказания конкретной помощи нуждающимся, заметно меньше.

Среди уникальных региональных тематических блоков деятельностный компонент практически не представлен, а основной акцент делается на ценностных составляющих, актуализирующих патриотическую установку и выполняющих по отношению к молодежи воспитательные функции.

Проведенное исследование показало, что к настоящему моменту самостоятельно организованная активность молодежи сибирских регионов в социальных сетях постепенно затихает. Это обусловлено, с одной стороны, высокой сетевой активностью аккаунтов государственной власти, вынужденных в силу принятого закона развивать свои сообщества и насыщать их отчетами о мероприятиях просветительского и воспитательного характера, которые свидетельствовали бы об успешной реализации про-

грамм молодежной политики, а с другой – изменением инструментального значения социальных сетей для молодежи и ее развития. Ранее молодежные лидеры активно использовали соцсети для наращивания собственного социального и сетевого капитала и с их помощью объединяли вокруг себя единомышленников с целью укрепления ресурсной базы, решения актуальных проблем и продвижения значимых групповых инициатив. Сейчас, напротив, соцсети все чаще служат площадками для демонстрации собственного персонализированного опыта и продвижения личного бренда [17], лишенного объединительной силы и размывающего стремление молодежи делиться успешными примерами реализации коллективных инициатив, в частности касающихся актуальной повестки СВО.

Перспективным направлением дальнейших исследований нам видится изучение представленных в социальных сетях результатов самоорганизованной деятельности молодежи с целью выявления действенных механизмов продвижения инициативных мобилизационных практик, отвечающих интересам как власти, так и самих молодых людей.

Библиографический список

1. Барсукова С. Ю., Денисова-Шмидт Е. В. Новые мигранты (релоканты) из России в Армении и Грузии: вызовы и возможности // Мир России. Социология. Этнология. 2026. Т. 35. № 1. С. 106–139. DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-1-106-139; EDN: JXGLYQ.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Д. Руткевич. М.: МЕДИУМ, 1995. 323 с.
3. Бродовская Е. В., Склярова Н. Ю., Лукушин В. А. Цифровая активность российской молодежи в условиях новой политической реальности: ключевые риски и возможности их преодоления // Вестник Москов. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2023. Т. 1. № 6. С. 100–123. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-6-100-123; EDN: MMMJWS.
4. Бурдые П. Начала / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. 336 с.
5. Бурмакина А. Л. Мобилизационные практики в региональных сетевых молодежных сообществах Сибири в условиях СВО // Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти. М.: РОС, 2025. С. 2254–2260. EDN: FTIDLH.
6. Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб.: ЕУ в СПб, 2008. 298 с.
7. Волонтерство в России: мониторинг, 2025 год // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volonterstvo-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 28.07.2026)
8. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Пер. с англ. И. Тюрина. М.: Академ. проект, 2005. 528 с.

9. Гладченко И. А. Новые подходы к изучению мобилизации в сетевых сообществах // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 2. С. 30–43. DOI: 10.18721/JHSS.10203; EDN: DODBJD.
10. Гнедаш А. А., Морозова Е. В. Модернизационный потенциал сетевого взаимодействия в сфере социальной политики // ПОЛИТЭК. 2012. Т. 8. № 3. С. 183–199.
11. Голосеева А. А., Хохлов А. А. Социальная мобилизация: вызов или ресурс социально-политических изменений // Вестник РГГУ. Философия. Социология. Искусствоведение. 2025. № 2. С. 81–93. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-81-93; EDN: OIELJQ.
12. Гребняк О. В. Национально-государственная идентичность в цифровую эпоху: между патриотическим консенсусом и информационной тревогой // Социально-политические науки. 2025. Т. 15. № 4. С. 34–45. DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-4-34-45; EDN: VWUAXC.
13. Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 400 с.
14. Казаков А. А. Три года СВО: динамика изменения отношения молодежи (в контексте влияния медиа) // Известия Саратов. ун-та. Нов. сер. Социология. Политология. 2025. Т. 25. № 3. С. 303–313. DOI: 10.18500/1818-9601-2025-25-3-303-313; EDN: КМЕННО.
15. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года: бюллетень. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 106 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025; EDN: ERLAQU.
16. Киняшева Ю. Б. Социальные сети как инструмент политической мобилизации граждан в современной России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 3–10. EDN: YLJTKP.
17. Колмыкова М. А. Формирование информационной культуры молодежи как условие накопления социального капитала // Научные труды МосГУ. 2022. № 2. С. 49–54. DOI: 10.17805/trudy.2022.2.5; EDN: GBJYMG.
18. Косоруков А. А., Осипов В. С. Механизмы социально-политической мобилизации молодежи на примере российских, белорусских и китайских Телеграм-каналов // Право и политика. 2021. № 9. С. 176–196. DOI: 10.7256/2454-0706.2021.9.36442; EDN: OPJJUO.
19. Крыштановская О. В., Мещерякова Н. Н. Политическая коммуникация в социальных сетях // Информационное общество. 2025. № 4. С. 79–85. EDN: KVYRJQ.
20. Лапин Н. И. Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех» // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 4(27). С. 105–136. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.542; EDN: YWANBV.
21. Марин Е. Б., Осмачко Н. В. Об отношении молодежи Приморского края к ключевым антикризисным стратегиям государства // Вестник Института социологии. 2026. Т. 17. № 1. С. 111–129. DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.6; EDN: CAKGPV.

22. Маршак А. Л., Дубина А. Ш. Восприятие специальной военной операции в студенческой среде // Гуманитарий Юга России. 2025. Т. 14. № 4(74). С. 28–37. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.4.2; EDN: GTDCPK.
23. Михайленок О. М., Левченко Н. В. и др. Сетевой взгляд на политические отношения в современных коммуникациях (материалы круглого стола) // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 2. С. 264–278. DOI: 10.34823/SGZ.2025.2.52065; EDN: ANRBKT.
24. Общественная активность молодежи (по результатам опроса), 2022 год // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi> (дата обращения: 10.02.2026).
25. Преликова Е. А., Кукшин Н. Р., Извеков Д. С. Отношение молодежи к отечеству: анализ влияния специальной военной операции на патриотическое воспитание студентов приграничных регионов // Alma Mater. 2024. № 5. С. 32–38. DOI: 10.20339/AM.05-24.032; EDN: KCSFDU.
26. Сетевая социально-политическая мобилизация в сибирских регионах ресурсного типа. Кемерово: КемГУ, 2025. 168 с.
27. Смирнов В. А. Социальное самочувствие российской молодежи в условиях специальной военной операции // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 241–250. DOI: 10.17223/1998863X/77/20; EDN: BQKUTR.
28. Терновецкая К. В., Евстратова Т. А. Социальные сети как способ взаимодействия органа власти с населением // Социальная политика и социология. 2023. Т. 22. № 4(149). С. 45–52. DOI: 10.17922/2071-3665-2023-22-4-45-52; EDN: CNOUFU.
29. Тилли Ч. От мобилизации к революции / Пер. с англ. Д. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева. М.: ВШЭ, 2019. 432 с.
30. Туманова А. С., Сафонов А. А. Гражданское общество в информационно-цифровую эпоху: проблемы трансформации и адаптации // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31. № 2. С. 6–25. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-2-6-25; EDN: PIBNZP.
31. Устойчивость российского государства и общества в условиях укрепления традиционных ценностей и становления многополярного мира. Социальная и социально-политическая ситуация / Под ред. В. К. Левашова. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 688 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-443-7.2025; EDN: JLMHLD.
32. Цветкова Г. А. Россияне в условиях специальной военной операции // Вестник РГГУ. Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. № 4. С. 111–120. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-111-120; EDN: VLDEAC.
33. Чернов А. С. Социально-политическая активность молодежи: от доверия власти к сотрудничеству // Известия ЮЗГУ. Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 3. С. 186–194. EDN: GJNEVW.
34. Шинкевич В. Е. Актуальность социальной мобилизации населения в условиях современного общества // Научный компонент. 2020. № 1(5). С. 79–89. DOI: 10.51980/2686-939X_2020_1_79; EDN: BQUWGU.

35. Яницкий О. Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 3–12.

Получено редакцией: 12.05.26

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурмакина Анна Леонидовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории социологических исследований, доцент кафедры социологических наук

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.6

Online youth communities in Siberia: a discourse analysis of mobilization practices in the context of the special military operation¹

Anna L. Burmakina

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

anna-sidjakina@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-3087-4393

For citation: Burmakina A. L. Online youth communities in Siberia: A discourse analysis of mobilization practices in the context of the special military operation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 98–117. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.6; EDN: OOFZG.

Abstract. This article presents the findings of a discourse analysis of mobilization practices in regional online youth communities in Siberia during the special military operation (SMO). Such communities are conceptualized as less readily recognized but active agents of networked interaction, engaged in mobilizing (activating) collective efforts to transform public life in their regions.

The study draws on posts by youth communities in the Siberian macroregion, which, as defined in this study, encompasses the Khanty-Mansi and Yamalo-Nenets autonomous okrugs; Kemerovo Oblast–Kuzbass; Tomsk, Irkutsk, Novosibirsk, and Tyumen oblasts; Krasnoyarsk and Altai krais; and the republics of Khakassia, Tuva, and Altai. The online communities studied include official accounts of state organizations and government representatives working in youth policy, profiles of civic youth organizations and movements, regional and city-based public social media pages aimed at young people, and associations of young people engaged in creative work, employed young people, and religious youth. Mobilization practices in these communities were examined through posts related to the SMO.

The discourse analysis of the textual corpora identified the main thematic clusters: (1) those common to all regions studied (military topics, patriotism, humanitarian aid and support for military personnel, social support for families, and heroism); and (2) those specific to particular regions (societal consolidation, regional identity and social cohesion, collective action and participation, culture and the arts, and awards). These clusters were then classified as either action-oriented or value-oriented. The study shows that both the cross-regional and region-specific thematic clusters are dominated by informational and educational content with a patriotic orientation. By contrast, content illustrating successful examples of young people coming together and providing practical assistance to those in need is less prevalent.

The article concludes that content reporting the outcomes of young people's own initiatives accounts for a declining share of online discourse, while young people's goals in using social media are shifting toward building their own social capital.

Keywords: social mobilization, political mobilization, Siberian macroregion, online communities, special military operation, youth

¹ This research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 25-28-01459.

References

1. Barsukova S. Yu., Denisova-Schmidt E. New Russian Migrants in Armenia and Georgia: Challenges and Opportunities. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2026: 35: 1: 106–139 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-1-106-139; EDN: JXGLYQ/
2. Berger P., Luckmann T. Socialnoe konstruirovaniye realnosti: traktat po sociologii znaniya [Social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge]. Transl. from Eng. by E. D. Rutkevich. Moscow, MEDIUM, 1995: 323 (in Russ.).
3. Brodovskaya E. V., Sklyarova N. Yu., Lukushin V. A. Digital Activity of Russia's Youth in the New Political Reality: The Main Risks and Ways to Overcome Them. *Vestnik Moskov. un-ta. Ser. 12. Politicheskiye nauki*, 2023: 1: 6: 100–123 (in Russ.). DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-6-100-123; EDN: MMMJWS.
4. Bourdieu P. Nachala [Beginnings]. Transl. from Fr. by N. A. Shmatko. Moscow, Socio-Logos, 1994: 336 (in Russ.).
5. Burmakina A. L. Mobilization practices in regional network youth communities of Siberia in the context of the SMO. In *Sociology and society: the formation and functioning of public memory*. Moscow, ROS, 2025: 2254–2260 (in Russ.). EDN: FTIDLH.
6. Volkov V., Kharkhordin O. Teoriya praktik [Theory of Practice]. St. Petersburg, EU v SPb., 2008: 298 (in Russ.).
7. Volunteering in Russia: monitoring – 2025. In Russian Public Opinion Research Center. Accessed 28.07.2026. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volonterstvo-v-rossii-monitoring> (in Russ.).
8. Giddens A. Ustroenie obshchestva: Oчерк teorii strukturatsii [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Transl. from Eng. by I. Tyurina. Moscow, Academ. proekt, 2005: 528 (in Russ.).
9. Gladchenko I. A. New approaches for studying mobilization in network communities. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*, 2019: 10: 2: 30–43 (in Russ.). DOI: 10.18721/JHSS.10203; EDN: DODBJD
10. Gnedash A. A., Morozova E. V. Modernization potential of network interaction in the sphere of social policy. *POLITEKS*, 2012: 8: 3: 183–199 (in Russ.).
11. Goloseyeva A. A., Khokhlov A. A. Social mobilization. A challenge or a resource for socio-political change. *Vestnik RGGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye*, 2024: 2: 81–93 (in Russ.). DOI: 10.28995/2073-6401-2025-2-81-93; EDN: OIELJQ.
12. Grebnyak O. V. National-state Identity in the Digital Age: Between Patriotic Consensus and Informational Anxiety. *Sotsialno-politicheskiye nauki*, 2025: 15: 4: 34–45 (in Russ.). DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-4-34-45; EDN: VWUAXC.
13. Zaslavskaya T. I. Sovremennoye rossiyskoye obshchestvo: sotsial'nyy mekhanizm transformatsii [Modern Russian Society: Social Mechanism of Transformation]. Moscow, Delo, 2004: 400 (in Russ.).
14. Kazakov A. A. Two years of Special Military Operation: Dynamics of changes in the attitude of youth (within the context of media influence). *Izvestiya Saratov. un-ta. Nov. ser. Sotsiologiya. Politologiya*, 2025: 25: 3: 303–313 (in Russ.). DOI: 10.18500/1818-9601-2025-25-3-303-313; EDN: KMEHNO.
15. How are you, Russia? Express information. Stage 55 of the All-Russian sociological monitoring, May 2025: bulletin. Moscow, FNIS RAN, 2025: 106 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025; EDN: ERLAQU.
16. Kinyasheva Yu. B. Social networks as a tool for political mobilization of citizens in modern Russia. *Izvestiya TGU. Gumanitarnyye nauki*, 2018: 3: 3–10 (in Russ.). EDN: YLJTKP.
17. Kolmykova M. A. Formation of information culture of youth as a condition for accumulation of social capital. *Nauchnye trudy MosGU*, 2022: 2: 49–54 (in Russ.). DOI: 10.17805/trudy.2022.2.5; EDN: GBJYMG.
18. Kosorukov A. A., Osipov V. S. Mechanisms of socio-political mobilization of youth on the example of Russian, Belarusian and Chinese Telegram channels. *Pravo i politika*, 2021: 9: 176–196 (in Russ.). DOI: 10.7256/2454-0706.2021.9.36442; EDN: OPJJUO.
19. Kryshantovskaya O. V. Meshcheryakova N. N. Political communication in social media. *Informatsionnoye obshchestvo*, 2025: 4: 79–85 (in Russ.). EDN: KVYRJQ.

20. Lapin N. I. Hybrid transit and the need for «modernization for all». *Vestnik instituta sotziologii*, 2018: 9: 4(27): 105–136 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.542; EDN: YWAHBB.
21. Marin E. B., Osmachko N. V. On the Attitude of the Youth of Primorsky Krai toward Key Anti-Crisis Strategies of the State. *Vestnik instituta sotziologii*, 2026: 17: 1: 111–129 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.6; EDN: CAKGPV.
22. Marshak A. L., Dubina A. Sh. Perception of the special military operation in student environment. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2025: 14: 4(74): 28–37 (in Russ.). DOI: 10.18522/2227-8656.2025.4.2; EDN: GTDCPK.
23. Mikhailenok O. M., Levchenko N. V. et al. Network view of political relations in modern communications (materials of the round table). *Sotsialno-gumanitarnyye znaniya*, 2025: 2: 264–278 (in Russ.). DOI: 10.34823/SGZ.2025.2.52065; EDN: ANRBKT.
24. Social activity of young people (according to survey results) – 2022. In Russian Public Opinion Research Center. Accessed 10.02.2026. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analitycheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi> (in Russ.).
25. Prelikova E. A., Kukshin N. R., Izvekov D. S. Attitude of youth towards the Fatherland: Analysis of the impact of a special military operation on the patriotic education of students in border regions. *Alma Mater*, 2024: 5: 32–38 (in Russ.). DOI: 10.20339/AM.05-24.032; EDN: KCSFDU.
26. Network socio-political mobilization in Siberian regions of the resource type. Kemerovo, KemGU, 2025: 168 (in Russ.).
27. Smirnov V. A. Social well-being of russian youth in the conditions of the special military operation. *Vestnik TGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2024: 77: 241–250 (in Russ.). DOI: 10.17223/1998863X/77/20; EDN: BQKUTR.
28. Ternovetskaya K. V., Evstratova T. A. Social Networks as a Way of Interaction Between the Government and the Population. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya*, 2023: 22: 4(149): 45–52 (in Russ.) DOI: 10.17922/2071-3665-2023-22-4-45-52; EDN: CNOUFU.
29. Tilly C. From Mobilization to Revolution. Transl. from Eng. by. D. Karaseva. Moscow, VShE, 2019: 432 (in Russ.).
30. Tumanova A. S., Safonov A. A. Civil Society in the Information and Digital Age: Challenges of Transformation and Adaptation. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2022: 31: 2: 6–25 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-2-6-25; EDN: PIBNZP.
31. The Stability of the Russian State and Society in the Context of Strengthening Traditional Values and the Emergence of a Multipolar World. Social and Sociopolitical Situation. Ed. by V. K. Levashov. Moscow, FNIS RAN, 2025: 688 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-443-7.2025; EDN: JLMHLD.
32. Tsvetkova G. A. Russians in a special military operation situation. *Vestnik RGGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye*, 2023: 4: 111–120 (in Russ.). DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-111-120; EDN: VLDEAC.
33. Chernov A. S. Socio-political activity of youth: from trust in the authorities to cooperation. *Izvestiya YZGU. Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2021: 11: 3: 186–194 (in Russ.). EDN: GJNEVW.
34. Shinkevich V. E. Relevance of social mobilization of the population in the conditions of modern society. *Nauchnyy component*, 2020: 1(5): 79–89 (in Russ.). DOI: 10.51980/2686-939X_2020_1_79; EDN: BQUWGU.
35. Yanitsky O. N. Mass mobilization: problems of theory. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2012: 6: 3–12 (in Russ.).

The article was submitted on: May 12, 2026

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna L. Burmakina, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Educational and Scientific Laboratory of Sociological Research, Associate Professor of the Department of Sociological Sciences